

УДК 316.4.051

РОЛЬ МИГРАЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Ткачёва Н.А.

Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, e-mail: sever626@mail.ru

Выделены исторические периоды, особенности развития государства и специфика миграционной подвижности населения в их взаимообусловленности. Учтено, что в процессе миграции экспансия (захват чужих территорий) и колонизация (освоение пустыющих или не имеющих государственной организации земель) происходили параллельно, были тесно переплетены, нередко неотделимы друг от друга. При патерналистском отношении к миграциям представителям инородческих народов не запрещались перемещения как в пределах империи, так и за ее границы. Отражена роль миграции и порубежья в истории России. При этом порубежье рассматривалось как зона особых социальных условий, а не как граница территории государства. Показано воздействие порубежья на характер переселенцев. Именно в непосредственной близости от подвижных границ возникали особые социальные группы (казачество), появлялись комбинированные туземные и колониальные элиты, имел место плодотворный этнический и культурный синтез. Определено, что миграции как социальный феномен имеют конкретно-исторические проявления, их особенности в каждой стране и на каждом этапе развития зависят от сочетания социально-экономических, политических, социокультурных, демографических процессов.

Ключевые слова: миграция, порубежье, жизненное пространство, факторы миграции, модели миграции

THE ROLE OF MIGRATION IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN STATE: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Tkacheva N.A.

Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, e-mail: sever626@mail.ru

Highlighted historical periods, especially the development of the state and the specifics of the migration mobility of the population in their interdependence. Taken into account that in the migration process expansion (seizure of foreign territories) and colonization (development of vacant or no state organization of land) occurred in parallel, were closely intertwined and often inseparable. When a paternalistic attitude towards migration, the representative of the majority of indigenous peoples were not forbidden movement both within the empire and beyond its borders. Reflects the role of migration in the history of Russian frontier. When this was seen as a frontier zone specific social conditions and not as a border territory. Shows the impact on the nature of the frontier settlers. It is in close proximity to moving boundaries have been special social groups (Cossacks), appeared combined indigenous and colonial elite, had a fruitful place ethnic and cultural synthesis. Determined that migration as a social phenomenon have concrete historical manifestations, their features in each country and at each stage of development depend on a combination of socio-economic, political, social, cultural, demographic processes.

Keywords: migration, frontier, living space, factors of migration, migration patterns

Ретроспективный анализ миграций в России с момента становления и развития российской государственности показывает их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность. Идея С.М. Соловьева о том, что древняя русская история есть история страны, которая колонизируется, была развита В.О. Ключевским, заложившим основы исторической социологии. Интересно, что в работах В.О. Ключевского последовательно выражена своя теория колонизации [6, с. 50]. Но и периодизация американской истории «по Тернеру» и периодизация русской истории «по Ключевскому» строятся на последовательной смене переселенческих «волн» и границ освоения пространства. Несомненно, в истории этих стран миграция выступала одним из определяющих факторов развития государства. И развитие миграционного движения, и расширение Российского государства были колоссальными по масштабам и уникальными по скорости. Четыре столетия (XV–XIX вв.) Российская импе-

рия неуклонно расширялась в среднем со скоростью 55 квадратных миль в день или около 20 000 квадратных миль в год [12, с. 32].

Патерналистское отношение к миграциям предопределялось постоянной, структурно сложной борьбой за оптимизацию территории государства через концептуализацию понятия «граница». Для этого использовались образы границы, пограничья, «фронта». Концепцию «фронта» (букв. «приграничья») ввел Ф.Д. Тернер. Его работа «Значение Фронта в американской истории» объясняет особенности развития США прежде всего такими факторами, как наличие свободных земель и продвижение границы американских поселенцев. По мнению Ф.Д. Тернера, границы – это поле постоянно продолжающейся битвы: сила завоевывает пространство, пространство дает силу [15, p. 153]. В таких условиях возникло понятие «дух фронта», зародились специфические черты характера: суровость, выносливость, вера в себя.

В процессе миграций понятие «территория» сменялось понятием «пространство». В данном контексте пространство рассматривается как преобразованная человеком территория. Отсюда граница государства воспринималась как граница реального жизненного пространства населяющих это государство народов. С позиции исторической социологии понятие «граница» отличается от юридического подхода тем, что включает в свое содержание не только формально-правовую, но и социально-рациональную характеристику. При этом ключевое значение приобретают понятия освоенного жизненного пространства, самоидентификации с территорией, с национальной или государственной идеей [3].

Постепенно миграция на фундаменте российской государственности, а затем имперской идеи способствовала развитию наднационального российского суперэтноса. Понятие «русский суперэтнос» разрабатывалось в исследованиях Л.Н. Гумилева, который утверждал, что принципом этнической структуры выступает иерархизированная соподчиненность субэтнических групп, находящихся внутри этноса и не нарушающих его единства как зримого целого. Л.Н. Гумилев, анализируя особенности этногенеза, пришел к выводу, что великорусский этнос зародился в XIV–XV вв. и сам стал выделять субэтнические образования (донские казаки, поморы, сибиряки-челдоны, зыряне, татары-кряшены и др.). Это принципиально отличает великорусский этнос от сжатых пространственными границами заселенных ими территорий западноевропейских этносов. Последние сравнительно быстро преодолели внутреннюю фрагментарность, сформировали национальные общности. Формирование русской нации растянулось на столетия и так до конца не завершилось, поскольку переросло в формирование суперэтноса (русского имперского), в котором отдельные этносы и субэтносы имели широкое поле для самовыражения и самосохранения [4, с. 32–36].

Рассмотрим особенности миграций, их направления, роль в развитии Российского государства, исходя из периодизации ее истории, предложенной В.О. Ключевским.

Первый период – VIII–XII вв. – время объединения русских земель вокруг Киевского княжества и возникновения раннерусской государственности. Вектор миграционных передвижений имел меридиальную направленность Юг – Север. Это пространственно-территориальная линия движения близка по своему семантическому значению к магистральному пути «из варяг в греки», т.е. совпадала с важнейшей торгово-эконо-

мической артерией. В это же время миграционные потоки начинают свое движение через Волгу и бассейн Каспийского моря в Среднюю Азию и Персию. Следует заметить, что первоначальное русское пространство формировалось как континентальное государство. Появление тюркских племен в южных степях усилило славянскую колонизацию в северном направлении. Рост населения на севере, обусловленный не только естественным приростом, но и миграцией, привел к образованию новых городов в бассейнах реки Оки и верхней Волги, в том числе Москвы. Они возникали и как торгово-административные центры, и как передовые посты и оплоты мигрирующего населения. При этом инородческие племена сплошной полосой окружали славяно-русское население с запада, севера и востока. Поступательное движение славян сопровождалось не только оттеснением инородческих племен, но и поглощением их, началось постепенное обрусение многочисленных народов. По сути, реализовывалась первая модель миграции – из зоны более передового хозяйственно-культурного типа в зону более отсталого [14, р. 88–96]. При этом перемещения населения опирались на городские центры с прилегающими к ним территориями и носили в большей мере хозяйственно-экономический характер, в их основе лежали торговые, а не военно-политические интересы.

Второй период – XIII–XV вв. – характеризуется формированием самостоятельных удельных княжеств. В это время значительно усилился военный аспект, предопределивший переселение значительных масс людей – монгольское вторжение, шведско-немецкая угроза. По подсчетам В.О. Ключевского, за 234 года (с 1228 по 1462 гг.) на Руси произошло около 160 крупных военных столкновений [7, с. 23]. Изменившиеся условия способствовали усилению миграций в направлении Запад – Восток. В то же время, находясь в составе монгольской державы, Русь оказывается вовлеченной в социально-политические процессы евразийского пространства в значительно большей степени, чем в европейские. Именно в этот период сформировался устойчивый интерес к продвижению на Восток – в Сибирь и на Дальний Восток. Причины колонизации носили политический и социально-экономический характер: защита от внешних врагов и нужда в новых пахотных землях и угодьях. Но постепенно большое значение приобретает и духовный фактор – со времени нашествия монголов начинается монастырская колонизация. Во времена монголо-татарского ига внутренняя мигра-

ция преобладала над внешней: расселение совершалось преимущественно в областях верхней Волги и Оки, а также на Белозерском побережье. Преобладание внутренней миграции имело положительное значение для Руси: во-первых, способствовало объединению и образованию Московского государства, во-вторых, существенно повысило плотность населения. В большей мере проявляют себя элементы второй модели миграции населения – миграция в пределах единой хозяйственно-культурной зоны.

Третий период – XV – нач. XVII вв. – время целенаправленного объединения русских земель под властью Московского княжества с ярко выраженной имперской направленностью. Известный британский историк Дж. Хоскинг утверждает, что «Московия начала свою имперскую карьеру, впервые покорив и аннексировав независимое нерусское государство Казанское ханство (1552)» [13, с. 16]. С утверждением московского владычества началось постепенное освоение Северного Урала, проходившее при поддержке государства. Позднее выгодная торговля товарами морского и лесного промыслов привлекла сюда новых переселенцев, которые увеличили местное население. Кроме того, шло интенсивное заселение Пермской земли, Казанского царства. Это привело к усилению экономических связей со степным населением. Преобладает первая модель при сохранении элементов второй модели движения населения.

Великую экспансию Московского княжества И.В. Зеленова обоснованно сравнивает с Великими географическими открытиями европейцев [5, с. 58]. Но если географические открытия потребовали от европейских государств значительных средств и технической оснащенности, экспансия в Сибири была осуществлена малыми силами: легковооруженными казачьими отрядами.

Четвертый период – XVII – первая половина XIX вв. – время формирования российской имперской государственности. Восточный вектор освоения российских земель вновь начинает принимать в значительной мере хозяйственно-экономический характер. Военная колонизация не предшествовала земледельческой и промышленной, а следовала за ними. Продвижение на новые земли получает не только организационное, но и правовое оформление. В 1806 г. правительство издает особое «Положение для поселений в Сибири», определявшее районы для переселенцев. К таким районам относилось Забайкалье, Иркутская губерния, а также части Томской и Тобольской губерний. Правительство на-

чинает использовать Сибирь как колонию для избыточного населения Европейской России. Переселенцы поддерживались государством экономически: им выдавалась безвозвратная ссуда денег. Процесс переселения контролировало Министерство государственных имуществ. На этом этапе колонизации параллельно с экономическими задачами российское правительство решало и военно-стратегические и политические вопросы: улучшалась экономическая ситуация через борьбу с малоземельем; увеличивалось на новых территориях линейное казачье войско, размещенное в укреплениях, что помогало обезопасить границы; правительство избавлялось от беспокойных и вредных элементов внутри государства.

Весьма интересным миграционным явлением этого периода являлся постоянный приток в Западную Сибирь выходцев из Средней Азии, которые получили обобщенное наименование «сибирские бухарцы». Вызвано это было сложившимися торгово-экономическими и социальными связями с местным татарским населением, а также напряженной военно-политической обстановкой в самой Средней Азии. Бухарцы оседали на пограничных линиях, а также в Тюменском и Тобольском уездах, где появились особые бухарские волости. Особенность положения и правового статуса этих мигрантов состояла в том, что они рассматривались как иностранцы, а значит, сохраняли право свободно покинуть пределы России и имели ряд привилегий, связанных с их торгово-посреднической деятельностью [8, с. 181]. Для этого периода характерно развитие первой и второй моделей миграции, а также использование третьей модели – миграции населения из более отсталой хозяйственно-культурной зоны в более передовую.

Следуя логике и методологии В.О. Ключевского, для периодизации дальнейшей истории России и выявления особенностей миграционного движения автор статьи считает правомерным выделить пятый и шестой периоды [11, с. 104].

Пятый период – вторая половина XIX – нач. XX вв. – характерной особенностью пореформенной эпохи в колонизации Сибири было господство экономического и демографического факторов в качестве причины переселения. Неравномерное заселение Европейской части России послужило причиной переселения крестьян на восток. Причем если до 1861 г. (до отмены крепостного права) основная масса переселенцев происходила из нечерноземных губерний Севера и Северо-Запада, Центра и Белоруссии, то после реформы к ним

добавились переселенцы из Черноземного центра, Украины и Поволжья. Общее число переселенцев (1678–1915 гг.) оценивается в 12,8 млн человек, причем только за 60 лет (1858–1915 гг.) мигрировало 8,1 млн человек. Миграционные процессы на пятом этапе в некоторые кризисные периоды охватывали до 59% взрослого сельского населения [9, с. 22–25]. Переселенческий энтузиазм был столь высок, что постепенно сложился определенный слой профессиональных мигрантов, деятельность которых поощрялась государством, но не была им организована и контролируется. Речь идет о слое первопроходцев, возникшем в XVII в. и исчезнувшем лишь во второй половине XIX в., когда государство попыталось взять на себя руководство миграционными процессами [4, с. 36].

По сути, массовые миграции современного типа получили распространение именно в пореформенную эпоху в связи с развитием капитализма. Причем наибольший темп миграции характерен для конца века. Так, если за предыдущий период (около 250 лет) на окраины России переселилось около 6 млн человек, то за 1897–1916 гг. (20 лет) – 5,2 млн человек [2, с. 149]. Преимущественное развитие вновь получает первая модель миграции населения.

К особенностям пореформенного периода относятся и развитие процесса переселения в города, появились новые мотивы миграции, связанные с развитием промышленности, ростом городов. Территориально закрепленные центры в форме поселений разных типов способствовали установлению коммуникативных связей и интенсивности дальнейших сложных миграционных процессов. Продолжается традиционное сельскохозяйственное освоение Приуралья, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, но и растет число переселенцев в неземледельческие районы промышленного освоения (Новороссию, Московскую и Петербургскую губернии).

Шестой период – 1917–1991 гг. – отражает миграционные передвижения с момента создания советского государства до его распада. С одной стороны, это время интенсивного социально-экономического развития страны, сопровождающегося многочисленными катаклизмами и катастрофами военного и политического характера. С другой стороны, это период масштабных миграционных перемещений населения, вызванных к жизни рядом причин: войнами; индустриализацией, коллективизацией и урбанизацией; освоением слабозаселенных территорий; экстенсивным характером экономической системы; авторитарным

типом политической власти, прибегавшей к массовым депортациям людей. Особенности данного этапа обусловили многообразие форм и типов миграционных потоков как внутри России, так и за ее пределы. Л.С. Перепелкин выделяет следующие общие тенденции миграций советского периода – переселение из села в город, из европейской части страны в азиатскую, из центра на периферию, из русских регионов в инациональные [10, с. 98]. В основе миграционной мобильности находится традиционное движение населения из густонаселенных районов, расположенных преимущественно в центральной части страны, в слабозаселенные, вызванное таким социально-экономическим фактором, как изменение характера производительных сил в советский период. Это выразилось в интенсивном подъеме экономики в отсталых в прошлом национальных районах, восточных и северных территориях, обладающих природными ресурсами.

Результатом миграционного обмена между Россией и сопредельными колонизируемыми территориями было изменение расселения населения, переход от гомогенности к гетерогенности его этнической структуры. В итоге русские расселились среди украинцев и белорусов, узбеков и киргизов, грузин и азербайджанцев, латышей и эстонцев. В свою очередь, все эти народы достаточно полно, если учитывать их общую численность, были затем представлены в России.

Итак, миграционные процессы на первых этапах развития Российского государства следует рассматривать в контексте колонизации. Одной из основ возникновения русской государственности было то, что политически мыслящая элита страны стала осознавать ее территорию как расширяющееся пространство. Освоение значительных пространств первопроходцами было определено экономическими интересами, политическими и стратегическими задачами. При этом в процессе миграции экспансия (захват чужих территорий) и колонизация (освоение пустующих или не имеющих государственной организации земель) происходили параллельно, были тесно переплетены, нередко неотделимы друг от друга. Важная особенность миграции в начале истории нашей страны, по мнению А.С. Ахизера, заключалась в том, что она несла возможность для реального и потенциального мигранта уйти от власти, реализовать догосударственный идеал воли [1, с. 143].

Подводя итоги следует заметить, что для России характерны практически все виды

и формы миграционного движения, включая такие, как эмиграция и иммиграция. Значимость каждой из выделенных автором моделей миграции на различных исторических этапах развития страны была определяющей для развития государства и формирования социокультурного пространства.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Территориальная миграция – реализация потребности в полноте бытия // *Общественные науки и современность*. – 2007. – № 3. – С. 141–149.
2. Бреева Е.Б. Основы демографии. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2005. – 352 с.
3. Василенко И.А. Геополитика современного мира. – М.: Гардарика, 2006. – 317 с.
4. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: Танаис, 2001. – 542 с.
5. Зеленова И.В. Геополитика и геостратегия России (XVIII – первая половина XIX века). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 270 с.
6. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1987. – Т.1. – 430 с.
7. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1989. – Т.V. – 456 с.
8. Конев А.Ю. Миграционные процессы в Западной Сибири (историко-правовой аспект) // Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации. – Тюмень: Тюменская областная Дума, 2009. – С. 177–192.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): В 2-х т. – СПб., 2000. – Т.1. – 548 с.
10. Перепелкин Л.С. Миграционные процессы и проблема этнокультурной безопасности в Российской Федерации // Миграция и безопасность в России. – М.: Интердиалект+, 2000. – С. 89–112.
11. Ткачева Н.А. Миграционные процессы и проблемы национальной безопасности России. – Тюмень: Вектор Бук, 2010. – 180 с.
12. Хопкирк П. большая игра против России: азиатский синдром. – М.: Рипол Классик, 2004. – 640 с.
13. Хоскинг Дж. Россия: Народ и империя (1552–1917). – Смоленск: Русич. 2001. – 512 с.
14. Tkacheva N.A., Tkachev A.A. The Role of migration in the evolution of the andronov community // *Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – № 35 (2008). – P. 88–96 // United Kingdom, Oxford.
15. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History. – New York, 1994. – 257 p.

References

1. Ahiezer A.S. Territorial'naja migracija realizacija potrebnosti v polnote bytija // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2007. no. 3. pp. 141–149.
2. Breeva E.B. *Osnovy demografii*. M.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K0», 2005. 352 p.
3. Vasilenko I.A. *Geopolitika sovremennogo mira*. M.: Gardariki, 2006. 317 p.
4. Gumilev L.N. *Konec i vnov' nachalo*. M.: Tanais, 2001. 542 p.
5. Zelenova I.V. *Geopolitika i geostrategija Rossii (XVIII pervaja polovina XIX veka)*. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. 270 p.
6. Kljuchevskij V.O. *Sochinenija: V 9-ti t. Kurs russkoj istorii*. M.: Mysl', 1987. T.I. 430 p.
7. Kljuchevskij V.O. *Sochinenija: V 9-ti t. Kurs russkoj istorii*. M.: Mysl', 1989. T.V. 456.
8. Konev A.Ju. *Migracionnye processy v Zapadnoj Sibiri (istoriko-pravovoj aspekt) // Konstitucionno-pravovye osnovy migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii*. Tjumen': Tjumen'skaja oblastnaja Duma, 2009. pp. 177–192.
9. Mironov B.N. *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII nachalo XX veka): V 2-h t*. SPb., 2000. T. I. 548 p.
10. Perepelkin L.S. *Migracionnye processy i problema jetnokol'turnoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii // Migracija i bezopasnost' v Rossii*. M.: Interdiialekt', 2000. pp. 89–112.
11. Tkacheva N.A. *Migracionnye processy i problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii*. Tjumen': Vektor Buk, 2010. 180 p.
12. Hopkirk P. *bol'shaja igra protiv Rossii: aziatskij sindrom*. M.: Ripol Klassik, 2004. 640 p.
13. Hosking Dzh. *Rossija: Narod i imperija (1552–1917)*. Smolensk: Rusich. 2001. 512 p.
14. Tkacheva N.A., Tkachev A.A. *The Role of migration in the evolution of the andronov community // Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia*. no. 35 (2008). pp. 88–96 // United Kingdom, Oxford.
15. Turner F.J. *The Significance of the Frontier in American History*. New York, 1994. 257 p.

Рецензенты:

Мехришвили Л.Л., д.соц.н., профессор кафедры социологии и социального сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень;

Гаврилова Н.Ю., д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень.

Работа поступила в редакцию 28.05.2014.